

Александръ
Дунаенко

Рассказы

Эссе

В
прошлом
веке...

Александръ Дунаенко

В прошлом веке...

Рассказы, эссе

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17797748
ISBN 9785447437367*

Аннотация

В книге собраны рассказы, статьи, эссе Александра Дунаенко, которые переносят нас в далёкие уже 70—90-е годы. Когда была другая страна. Другая жизнь... Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Александр Еланчик об Александре Дунаенко	5
Илек	6
Муравей	14
Плеврит	20
Шенк	27
Партизанские были	36
Презервативы СССР	43
Конец ознакомительного фрагмента.	52

В прошлом веке...

Рассказы, эссе

Александрь Дунаенко

Дизайнер обложки Дунаенко Александрь

© Александрь Дунаенко, 2019

© Дунаенко Александрь, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4474-3736-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Александр Еланчик об Александре Дунаенко

Из сотен, прочитанных в детстве книг, многим из нас пришлось по зернам собирать тот клад добра и знаний, который сопровождал нас в дальнейшей жизни. В своё время эти зерна пустили ростки, и сформировали в нас то, что называется характером, умением жить, любить и сопереживать.

Процесс этот был сложным и долгим.

Проза же Александра Дунаенко спасает нас от долгих поисков, она являет собой исключительно редкий и удивительный концентрат полезного, нужного, доброго, и столь необходимого человеческого опыта. Умение автора искренне делиться этим опытом превосходно сочетается с прекрасным владением словом. Его рассказы полны здорового юмора, любви и душевного тепла. Я очень рад знакомству с автором, и его творчеством.

И еще считаю, что нам с Александром очень повезло.

Повезло родиться и вырасти в той стране, о которой он так много пишет, и которой больше не существует.

Как, впрочем, не могло существовать в той стране, на бумаге, и такой замечательной прозы, которой сегодня одаривает нас автор.

Александр Еланчик.

Илек

Речка Илек – речка удивительная. Я знал её в детстве, и потом всю жизнь, и лучше нигде не видел, не находил. Мелкая, с прозрачной водой, среди полей чистого светло-жёлтого песка, который оставался и разравнивался потом уходящей водой и ветрами после бурных весенних наводнений. Мелкий тальник по берегам и поля песка. Летом бывает трудно добежать к воде, если уже снял туфли, тапочки – песок раскаляется. А расстояние до берега – шагов пятьдесят...

Илек и с самолёта смотрится очень красиво: голубая извилистая струйка в зелёных бакенбардах прибрежных зарослей, а то и вовсе без них – ничем от солнца не прикрытая, среди песка...

Илек – речка неглубокая. Поэтому прогревается быстро, в ней хорошо купаться с малыми детьми. И безопасно и тепло. Случаются, конечно, на её пути к Уралу и небольшие затоны, и широкие плёсы. Но всегда можно выбрать место, которое вам больше подходит для отдыха.

Ближе к выходным это место выбрать всё труднее. Весь город распределяется с машинами и мотоциклами вдоль берегов, так что поймать рыбку, или отдохнуть с чужой женщиной становится практически невозможным. Но, если в машине хорошенько надавить на педаль акселератора, то уже

через час можно оказаться в местах, куда только Макар или Арыстан пригоняют своих телят. И то – в обед. А, в остальное время, окрестности небольшой степной речки ничуть не уступают прославленным пляжам всяких там Сейшел и Канарских островов.

Речка Илек летом вся такая уютная и домашняя. Где мелко – у неё довольно быстрое течение. Когда я попал в пионерский лагерь в Уральскую область, где река Чаган, то долго не мог привыкнуть к тому, что трудно определить, куда, в какую сторону в ней бежит вода. Нужно было бросить в мутную стоячую воду яблоко и за ним проследить. Куда яблоко – туда и течение. Да, и вода в этом их Чагане серая, и холодная, и дно скользкое, глинистое, противное... В общем – никакого сравнения с нашим Илеком и, тем более, с Канарскими островами.

Но такой ручной, мирной речка Илек выглядит отнюдь не всегда. Она мелководная летом, она почти иссякает на перекатах к осени, её, замерзшую и занесённую снегом, можно даже и не заметить зимой.

Но, когда весной пригревает солнце и со всех сторон, со всех огромных степных площадей устремляются в Илек потоки талой воды, он превращается в могучую полноводную реку, Отца земли казахской, как Волга – Мать земли русской. На четыре – пять метров поднимается уровень воды, она разливается вокруг на многие километры. И тогда ни пройти через неё, ни проехать. Только – лодкой.

Ну, правда, такое положение существовало ещё в далёких стабильных семидесятих годах. Теперь понастроили мостов, добраться можно, куда угодно и когда угодно. А тогда...

В те времена школьники из родного моего посёлка Растовхоз на время разлива перебирались в город, к родственникам, у кого были родственники. А те, у кого их не было, каждый день переправлялись через Илек на лодке. У меня родственников в городе не было. Мы с папой вставали раньше, чем обычно, на час и шли на переправу. Потому что у реки была очередь, за один раз можно было перевозить не больше восьми человек. Папе нужно было на работу, на завод, мне – вначале в пятый, а потом и во все остальные, классы.

Река Илек в половодье – это совсем другая река. Вода мутная, не понять, какая где глубина. Течение быстрое. В первые дни после вскрытия идут льды. Естественно, в это время на лодке никто не катается. Река становилась широкой, но величина эта была переменной: солнце пригрело, усилилось таяние в степи – воды больше, ударил мороз – вода пошла на спад. И потому часто приходилось искать, в каком месте новая пристань. И цены за проезд тоже менялись, в зависимости от ширины реки. Самая большая – двадцать копеек. В конце паводка, уже где-то в начале мая – десять.

В периоды этих лодочных переправ у меня всегда возникало острое желание самому попробовать сесть за вёсла, самому поработать перевозчиком. И я после школы часто око-

лачивался возле шалашика дяди Карпа Колтайса, который был капитаном лодочной флотилии. Правда, лодка была одна, но, всё равно – флот.

И, случилось, мне везло – он пускал меня за вёсла.

А, нужно сказать, что управлять лодкой, грести вёслами в половодье на нашем Илеке, дело не только трудное, но и опасное. Ну, во-первых, сильное течение. И лодку нужно всё время держать наискось, под углом к течению. И – со-размерять усилия на правое и левое весло. Чуть недожал – и нос лодки разворачивает, и тебя относит течением вниз на сотни метров. Потом – собачий труд: лодочнику нужно часами молотить вёслами против сильного течения, чтобы опять вывести лодку на место, где у него пристань.

А, во-вторых – лодка легко могла опрокинуться. Особенно, когда она уже у берега. Когда берег остаётся уже на расстоянии вытянутой реки, можно расслабиться. Потерять бдительность и случайно этого берега коснуться веслом. Весло сразу втыкается, застопоривается в глине, песке, течение давит с другой стороны на лодку, и она может опрокинуться. Вода ледяная. У берега может быть глубина в несколько метров...

Но я научился перевозить людей, научился уверенно управлять лодкой. Лет мне тогда было, может, тринадцать-четырнадцать. Во мне формировался мужчина. А мужчина должен проявлять себя в каких-то внешних поступках. Набить кулаком лицо школьному товарищу я

не мог. Никогда не любил агрессию. А, к тому же, и не обладал особыми для того физическими качествами.

А вот на лодке пересечь реку – это было круто. Это не получалось у сильных мальчишек. И им дядя Карпо не доверял.

Помнится яркий солнечный день. Воскресенье. Немецкая пасха. На переправе и с той, и с другой стороны полно народу. Все в праздничных одеждах. Многие были одеты уже почти по-летнему. Ещё пару дней назад был «бескунак» – период обязательного холода, ветра и мокрых снегопадов. Когда тала вдоль реки покрыта льдом, по реке плывет «шуга» – мокрый снег. Когда вся лодка в грязи и тоже мокрая, обледенелая. Холодные брезентовые перчатки, газетки на сиденьях-перекладах, чтобы не испачкаться...

Так было всего пару дней назад, а тут наступил праздник – Христово Воскресенье, и отступили все мокрые мрачные и холодные силы. Природа откликнулась навстречу своим праздником: в воздухе запахло первой слабенькой зеленью, распустились пушистые «зайчики» на тале, они тоже местами зацвели, медово запахли, и к ним налетели со всех сторон специальные пчёлки. Не знаю, по каким делам в то воскресенье я оказался на переправе. Но, по обыкновению, покрутился, поотирался возле дяди Карпа, чтобы пустил он меня за вёсла.

Ну, Праздник! Как меня не пустить. И я несколько раз сгонял через реку туда и обратно. Потом дядя Карпо сказал,

что «хватит», и я пошёл домой. Домой, так домой. И дорога домой в этот день Праздника была особенной: на тропинке, в траве виднелись скорлупки от крашенных яиц. И светило солнце. И слабый ветерок гнал над землёй первые весенние ароматы...

В этот день на Илеке лодка опрокинулась. Кто там был за вёслами – не знаю. Лодка подходила к берегу, весло уткнулось в песок... Погиб маленький мальчик. Лодка опрокинулась и накрыла его сверху. Поэтому его не могли сразу найти. А так – всех разнесло течением, но берег был близко, и пассажирам удалось выбраться...

В конце мая Илек мелел настолько, что лодка была уже не нужна.

Её вытаскивали на берег, отвозили в совхоз, где возле кузницы она лежала до следующего половодья.

Лодки не было, моста не было тоже. Мост сооружали позже. Вначале – пешеходный, из досок, потом делали насыпь, укладывали брёвна, и через мост уже могли проезжать машины. А до этого времени и школьники, и рабочие с завода ферросплавов перебирались через Илек вброд. Вода, конечно, ещё не парное молоко, но потерпеть можно.

У меня скоро были каникулы. Обычно я один ходил из школы домой, а тут как-то получилось, что с одноклассницей, Надькой Брусницкой. Жила она в «посёлочке», отдельно от нашего совхоза, поэтому «просто знакомые», «просто одноклассники» – и всё.

Подошли к Илеку. Нужно, однако, переходить.

Я снял штаны, сложил их аккуратно, взял в другую руку свой и Надькин портфель и пошёл вперёд. Идти было недалеко: Илек уже превратился просто в широкий ручей, мелкий, с осветлевшей водой. Я стал выходить на противоположный берег. Надька шла следом, я оглянулся посмотреть – как она там? Надька переходила небольшое углубление у самого берега и высоко подняла юбку. Голые ноги, маленькие трусы в бледный розовый цветочек.

А я ещё никогда не дотрагивался до девчонок. И не «дружил» и – ничего. Я их не знал и вблизи, можно сказать, не видел. Потом – зима, одежды... Шубы, валенки, сапоги, всю зиму видишь у одноклассников только лицо из одежды, а тут...

А тут, сразу – длинные белые девчачьи ноги, трусы...

Надька делала в воде по песчаному дну осторожные шаги и, поймав мой взгляд, улыбнулась...

А мне тринадцать лет, ёлки! Кровь наполоам с гормонами!

Да и зрелому мужчине – каково бы ему было, если бы, даже летом, посреди улицы, девчонка бы перед ним юбку подняла?.. Он бы сразу в соляной столб превратился!..

Но у нас, у мальчишек в тринадцать лет, организмы крепкие.

Я и виду не подал, что у меня в тот момент внутри Хиросима грохнула.

Я спокойно вышел на берег.

Следом за мной и Надька. Вода даже не дошла ей до трусов, не замочила.

Половодье закончилось.

Илек опять стал мелким.

А послезавтра уже наступило лето...

Муравей

Первая прополка на помидорах – восемьсот квадратных метров. Вторая – тысяча. Это – норма. Считается, что второй раз полоть легче. Кто выполнит норму – получает два рубля пятнадцать копеек.

На поливе нормы другие: первый полив – четыре тысячи квадратных метров, второй и последующие – пять.

Поливщикам хорошо платили: за норму три рубля шестьдесят копеек. Большой насос качал воду издалека, из Илека, оттуда по глубокому валу (так у нас называли арык) вода приходила на поля Растсовхоза. На три – четыре тяпки. Это значит, на три – четыре поливщика. Земляной вал-арык в ширину мог быть до полутора метров, в нём можно было спокойно искупаться в летнюю жару.

Вал быстро зарастал травой, его чистили острыми тяпками. И на это тоже были нормы. Восемьсот метров, тысяча...

Мне тринадцать лет. После седьмого класса мама посоветовала мне пойти в совхоз на заработки. Всё равно каникулы, делать нечего! Я представил себе, что уже через месяц у меня появятся совсем уже дурные деньги, на которые я могу себе купить!.. И тут я просто терялся. Я даже не представлял, что я смогу купить на те деньги, которые заработаю!

Ну и вот я в поле. Не я один. Вокруг около десятка совхозных женщин. Растениеводство в нашем совхозе держа-

лось почти исключительно на женщинах. Они пололи, выращивали рассаду, перебирали в холодных подвалах картошку. Мужчины были учетчиками, бригадирами, шофёрами. В середине шестидесятых мужчин ещё в стране было мало... Ну и, значит, я в рядах рабочего женского класса.

Вокруг пыль, жара. Прямые, жёсткие лучи казахстанского солнца. Женщины в поле – это такие пчёлки. Которые всё время работают, работают. И для них, кажется, нет никакой жары, нет этих огромных площадей, заросших сорняками. Сейчас туда, где жарко, опасно, трудно, пускают роботов. Нанотехнологии. Оглядываясь в шестидесятые, я начинаю думать, что в тех женщинах моего детства были установлены специальные наночипы. Чтобы работать весь день, когда на солнце пятьдесят градусов и не падать в обморок. Чтобы выполнять, а иногда даже и перевыполнять эти нормы в тысячи квадратных метров. Чтобы вечером те из них, которые ещё девчонки, успевали выкупаться, накраситься и прибежать в клуб на танцы...

Я, среди этой компании, был единственным мужчиной. Ну, и, старался, если не идти впереди всех со своей тяткой, то хотя бы не отставать. Что оказалось делом не только трудным, но и для меня неподъёмным. Всё-таки норма в восемьсот метров, по моим ощущениям, была великовата.

Слегка отставая от основной группы всё дальше и дальше, я кое-как дотянул до обеда. Перекусить сели тут же, на планке помидоров. Вокруг – ни кустика, ни клочка тени. Доста-

ли свои свёртки. Бутерброды, бутылки с молоком, чаем. Хиханьки всякие, хаханьки. Шутят наноженщины, будто сидят где-нибудь на пляже, где море, пальмы, чайки...

Я тоже сидел рядом, улыбался шуткам, не всегда понятным. Элиза Шеффер обронила: «Мечты, мечты, где ваша сладость? Ушли мечты – осталась гадость...».

Почему гадость, когда мечты?.. – думал я, но ничего не переспрашивал у этих весёлых женщин. Только слушал. И тут...

И тут возникла неожиданная, очень неприятная для меня ситуация. Пока я, сидя на земле, жевал свой бутерброд, ко мне в штанину залез муравей. И не просто в штанину. Он там, под низом, добрался до самого верха и больно меня ужалил. Причём, не просто в ногу, а... Как бы это выразиться поделикатнее... Ну, как тут ещё скажешь – за яйца, – чего уж там!

Вот вы представьте ситуацию: вокруг девушки, женщины. Мне тринадцать. Я страшно стеснительный, ничего про девушек не знаю, только заглядываюсь на них издалека, слегка побаиваюсь и тут... И тут вот эта проблема!..

И – ладно бы – укусил этот гад разок, да ушёл бы куда-нибудь к себе в муравейник, ан – нет! Он ещё раз меня укусил. А потом ещё и ещё. Спокойно передвигался там внутри по объекту и издевался!

Вот я иногда задумывался, почему братья наши меньшие, вплоть до мельчайших насекомых, кусают нас иногда просто

так? Или – кусают, а потом от них чешешься? Вот, к примеру, комар. Ну, хочешь кушать – ну, возьми, попей моей кровушки, но зачем ещё гадость какую-то впрыскивать? Уже и улетел давно кровопивец, уже и забыл про тебя, а на теле остался волдырь. И чешется, чешется...

А мне один биолог объяснил насчёт комара. Не такой уж он и зловердный, оказывается. И все его поступки вызваны насущной необходимостью. Дело в том, что кровь у нас густая, а хоботок у комара тоненький. И не может он через него свободно из нашего тела попить кровавого коктейля. И поэтому перед процедурой впрыскивает комарик вещество, которое кровь разжижает. У вампиров – ещё и обезболивает. Ну, и – пьёт потом спокойненько. Потом улетает.

А мы чешемся, пока рассосётся в нас вся эта комариная химия...

Ну и – вот...

Кусает, значит, меня муравей. Бесстыдно и беззастенчиво. Кажется – пустяк! Только и делов-то – схватил террориста за лапки и выкинул подальше.

Ага! Это что? Встать перед всеми, снять штаны и – ПРОСТО ВЫКИНУТЬ? Да – лучше умереть!!!

И тут я ещё вот что хочу о себе добавить: я от природы интроверт. Все в себе. Слушаю, думаю, а выражать прилюдно свои эмоции не могу. Если и нужно когда, то делаю это через силу. Щёлкаю внутри себя переключатель, будто я публичный человек – и хохочу, там, выступаю...

Переключатель сработал сам, автоматически. И – вскочил я тогда, при очередном невыносимом укусе. И заявил присутствующим милым женщинам-труженицам, что хочу их развлечь, исполнив танец диких индейцев. Ну, очень диких. И стал вокруг них скакать, подпрыгивать, в надежде на то, что мой палач отстанет, свалится куда-нибудь, наконец.

Иногда – совсем незаметно, мельком, молниеносно, я ударял себя в то место, где должен был находиться мой мучитель. Потом похожие танцы я увидел в исполнении Майкла Джексона, Леди Гага.

Только у них, в сравнении с моей спонтанной хореографией, всё происходило в сильно замедленном темпе. Им нужно, чтобы все, до самой галёрки замечали, как и где они бьют своего комара. А в наше время это бы считалось неприличным...

Я скакал, я делал всё в таком темпе, что непристойных моих движений никто не должен был заметить... Не знаю, насколько мне это удалось... Но силы кончились. Я устал, охрип. Не индеец – каждый день не танцую. Но, кажется, помогло. Муравей затих. Отвалился, видать, гад, вывалился. И я только теперь заметил, что женщины, зрительницы мои, утирают слёзы от смеха, что очень по душе пришёлся им мой фольклорный танец. И даже похлопали мне в ладошки!..

Я присел доедать бутерброд. И тут... Смотрю, ползёт по треникам сверху, вылезает на согнутую коленку мой коварный обидчик. Сел на возвышении, усами шевелит, и –

так – изумлённо голову наклонил, на меня поглядывает.

Сейчас я напишу такое, за что меня осудят всякие «зелёные» и защитники живой природы.

Но я напишу, я признаюсь. И не буду испытывать никаких угрызений совести.

Я – УБИЛ этого муравья!

Я с размаху шлёпнул его ладонью и размазал по коленке!

Так в классических боевиках в конце фильма убивают злодея: с удовольствием, с чувством глубокого удовлетворения!..

Я уже был один. Женщины ушли в поле, допалывать планку помидоров. Я схватил тяпку, побежал на свою полосу. Я так и не выполнил в этот день нормы. Женщины положили быстрее меня и лучше.

Они закончили свою работу, вернулись ко мне и вместе помогли дойти до края моего участка.

Плеврит

В шестнадцать лет я попал в больницу. Экссудативный плеврит. Это такая штука, когда на лёгком образуется пузырь, внутри которого экссудат – жидкость. Что-то вроде ожогового пузыря. Жидкости в пузыре может быть до нескольких литров. И при лечении она, либо рассасывается сама, либо её откачивают специальным шприцом с толстой иглой, протыкая спину.

Меня поместили в железнодорожную больницу Актюбинска, потому что жил я в Растсовхозе, который выращивал для железной дороги овощи и ей принадлежал.

Молоденькая и симпатичная врач-терапевт Боровая простукала меня по спине пальчиками, нарисовала на теле границы пузыря. Потом она каждое утро так меня простукивала. Потому что было назначено лечение, и пузырь должен был уменьшаться. Но он сокращаться не торопился. Хотя температуру мне сбили, и самочувствие моё почти пришло в норму.

Дни шли. А шестнадцать лет – они и в больнице шестнадцать лет. Это, когда тебе шестьдесят, можно лежать сутками напролёт на диване, глядеть в потолок и вспоминать БЫЛОЕ, а в юности, когда этого БЫЛОГО ещё нет, нужно интенсивно заниматься его созданием.

Я всегда заботился о том, чтобы моё «былое» потом мне

самому, когда я буду лежать и глядеть в потолок, выглядело интересным. И, по-возможности, весёлым. Ну, и...

В палате у нас лежали совсем взрослые мужики. Им было по сорок лет, а ветерану войны Ларинскому и вовсе за шестьдесят. Сейчас таких уже не всегда берутся лечить.

Поехал наш друг семьи, Иван Иванович Афонин, в районную больницу, пожаловаться, что у него в животе болит, а ему сказали: – Ну, что же вы хотите – «старость». С тем старик психанул и уехал. Потом, правда, примчались, когда случился страшный приступ, забрали на «скорой», откачали.

Вообще – интересный это диагноз – «старость». Я о такой болезни раньше не слышал. В Актюбинске ушел из жизни родственник. Ему в справке о смерти написали «умер от старости». Я медицинскую литературу не читаю. Может, в последнее время, произошло открытие этой новой болезни, и только мне о том не известно?..

И тогда, свете последних открытий, совсем по-другому выглядит трилогия «Детство», «Отрочество», «Юность». Вроде, как: «Тиф», «Чума», «Малярия».

Ну, в общем, попался мне на моей юной дороге Ларинский.

Несмотря на свой предсмертный возраст, он выглядел ещё совсем живчиком. Рассказывал, как любит ещё поозорничать со своей старушкой. У него было воспаление лёгких. Ему делали уколы, ставили банки.

Однажды, когда медсестра совершала над ним этот риту-

ал, я оказался поблизости. Худенькое маленькое тело Ларинского было распластано на постели. Сестра держала в руке яркий огненный факел, окунала его в стеклянную колбочку и затем быстро эту колбочку прищёпывала к спине Ларинского.

Я взял с тумбочки гранёный стакан и тоже, так же быстро, надел его на факел, а потом, сдёрнув с Ларинского резинку трусов, припечатал стакан к половинке его старческой жопки. Куда эта половинка тут же полностью и ушла. Медсестра вскрикнула. Ветеран почувствовал что-то неладное. Оглянулся и увидел, вместо исколотой своей ягодицы, стеклянную Фудзияму. Пришёл в ужас. Тут же вскочил. Стал подпрыгивать на кровати, кричать, что он участник войны, что он американцев по Германии сто километров гнал, а над ним издеваются!

Сняла с него стакан медсестра. В палате ещё долго стоял хохот. Смех – это лучшее лекарство.

Каких-то несколько минут ужаса Ларинского на несколько дней приблизили выздоровление каждого из нас.

Больница – такое место, где нет для медиков ни одной части на твоём теле, которую ты пытался бы от них прикрыть, либо, каким-то образом, стыдливо утаить.

Когда попадаешь в больницу, то, в первую очередь, выясняется, что у тебя ещё, кроме крови, биографии, есть ещё и моча, и кал. И – «это снимите», «тут покажите». «А какой

у вас стул?...».

Машинисту тепловоза Зарубину из нашей палаты объявили, что будут у него завтра проверять кишечник, а для этого необходимо ему с утра поставить клизму.

Больница. Клизма. Обычное дело.

А Зарубин что-то заволновался. Его стали успокаивать – мол, совсем не больно, может быть – когда в первый раз, а потом даже и понравится. Но он всё равно переживал. И потом проговорился: стесняется он. Вот придёт какая-то медсестра, посторонняя женщина, он перед ней должен снять трусы, принять унижительную позу. Ещё как-то, если перед женщиной без трусов стать лицом – это одно, а вот, когда наоборот...

А тут как раз и я оказался поблизости.

– Да, что, говорю, – вы, Степан Фёдорович, так переживаете? Я сам вам в два счёта поставлю эту клизму. И без всякой медсестры. Зарубин посмотрел на меня недоверчиво. А у меня мама, в том самом Растсовхозе работала фельдшером. Разговоры в семье о всяких медицинских мероприятиях шли свободные, и границы понятий «стыдно», «стесняюсь», «неудобно как-то» были для меня довольно размыты.

Подумаешь – клизма.

Я авторитетно всё это изложил Зарубину. Сын фельдшера – это уже круто!

Договорились, что рано утром ко мне с «прибором» по-

дойдёт медсестра, и я выполню необходимую процедуру.

Рано утром – ещё не включали радио – медсестра шёпотом меня разбудила. В руках она держала кружку Эсмарха. Вышла. Зарубин уже не спал. Возможно, он и всю ночь не спал. Господи, как будто ему замуж выходить!..

Объяснять ему ничего не пришлось. Разделся. Стал в позу спринтера на старте.

А я, хоть и был сыном фельдшера, но представление о всяких процедурах, об инструментарии имел довольно поверхностное. Под клизмой я подразумевал обычную резиновую грушу с небольшим наконечником. А тут принесли резиновую ёмкость с объёмом литра на два, да ещё с толстым кривым наконечником длиной сантиметров на двадцать. Не зря мой Степан Фёдорович боялся!

Ну, я так подумал – медсестра знает, чего для этой процедуры нужно, опытная, перепутать не могла.

Да и что там: вставил трубку, влил два литра в пациента – и все дела!

Фёдорович стоял, ждал. Я приступил. Сейчас сделаю – и обратно спать лягу. Но... Не пошёл наконечник. Я тихонько его вводил, но он как будто во что-то упирался и останавливался. Уж я и так, и этак. Степан Фёдорович кряхтит, терпит. А наконечник кривой. Думаю, может, если его проворачивать, то пойдёт? Как по резьбе? И правда, пластмассовая трубка стала уходить вглубь. Наверное, хитрая задница у этого Степана Фёдоровича, если только так с ним получа-

ется. Ну, вот, слава Богу! Поднял кружку Эсмарха повыше, жду. Пять минут жду – не идет водичка. Жду десять минут. Пятнадцать. Да, что такое? Выше кружку, ниже – не идет вода. Не хватает, видно, давления. Я тогда крепко сжал рукой сверху резиновую кружку, чтобы вода не вытекла и изо всех сил её сдавил. Против лома нет приёма. Получилось! Шланг отсоединился от наконечника, и вся вода, все два литра мощной струёй вылились на Зарубина...

– Твою мать! – заорал машинист.

Я не знаю... Ну, я же не специально...

Зарубин вприпрыжку, с наконечником, поскакал в туалет. У него уже не было никакой стеснительности. Он бежал по коридору без трусов и кричал: – Твою мать!!! Твою мать!!!..

Я пошёл за ним. Я хотел принести ему свои извинения. Я же хотел, как лучше... Но в туалете он, едва заслышав из-за дверцы мой голос, стал опять неприлично ругаться матом, и мне пришлось уйти.

Я потом, уже в палате, пытался объяснить, что случилось непредвиденное, что я не хотел. Но кто поверит человеку, который три дня назад ветерану войны поставил на задницу стакан?

Зарубин и не поверил.

Потом независимое расследование определило, что накануне кружкой Эсмарха пользовались женщины и, каким-то образом, туда попал чай. Вернее, чайники, которые и забили

наконечник прибора.

Зарубин всё равно меня не простил.

Лечение препаратами не помогало, и мне назначили день, чтобы откачивать жидкость из моего пузыря. Но...

Мне было шестнадцать лет, и в ту зиму я пару раз прокатнулся на лыжах с самой красивой на свете девушкой. Но два раза на лыжах – и всё.

И вот, когда я оказался в больнице, она неожиданно пришла. А потом стала приходить регулярно. Я не ходил – я не чуял под собой земли, я летал по больнице! Я всякий раз рассказывал этой девушке смешные истории, и она смеялась. А мне так нравилось, когда она смеялась. Наверное, несмотря на свои шестнадцать лет, я чувствовал, я уже понимал, что если девушка тебе смеётся, то ты ей нравишься.

И тут как-то утром врач Боровая, простукивая границы воспаления, не обнаружила их на обычном месте. Они значительно сузились. Потом ещё и ещё. Врачи не могли этого объяснить. Собирали консилиум, все стучали у меня пальцами по спине. Жидкости не было

Плеврит сдал позиции, и через несколько дней состояние моего здоровья пришло в норму.

А болезни уже и не могло быть места в моём организме. Потому что его весь уже заполнила Любовь...

Шенк

Мой преподаватель по баяну Виктор Фёдорович Меркушев посоветовал мне после десятого класса поступать в культпросвет. Два года я проходил в музыкальную школу и, как мне показалось, в музыке преуспел. Наверное, это показалось и моим учителям: они выдали мне Свидетельство об окончании этой музыкальной школы, в которой учиться нужно было три года, а я уже через два играл «Амурские волны», пьесу, которая завершала курс самоучителя игры на баяне. И – чего меня ещё держать?

На прощание Виктор Фёдорович посоветовал мне идти прямой дорогой в культпросвет, на отделение оркестра русских народных инструментов. В общем – продолжать свою блестящую музыкальную карьеру.

Экзамены в культпросвет я сдал на «отлично». Что должно было меня насторожить. В девятом-десятом классе в учебных дисциплинах я не выделялся, и будущему Рихтеру баяна учителя, случалось, даже за четверть, выставляли двойки.

Уже через две недели занятий в культпросвете преподаватель физики и математики Карл Каламанович Зайнуллин всему нашему курсу авторитетно заявил, что Дунаенко он на все предстоящие два года обучения освобождает от занятий. Слушателям были предложены задачи. Пока шло «два

умножить на два» и «три умножить на три», аудитория кое-как ещё справлялась. Но, когда Карл Каламанович спросил, сколько будет «корень квадратный из четырёх», вся группа оказалась поверженной в ступор. Очевидно, само это жуткое сочетание слов – «корень квадратный» произвело на рекрутов культурного фронта такое шокирующее впечатление, что тишина в классе зависла... И тут я бесстрашно поднял руку. И в тишине ясно и чётко произнёс правильную цифру ответа.

Изумлению одноклассников не было границ. Карл Каламанович улыбнулся, потом улыбка его озвучилась сдержанным хихиканьем. После чего от занятий физикой и математикой я был освобождён с гарантией выставления мне в дипломе самых отличных оценок.

Ну, и с музыкой у меня поначалу шло всё замечательно. На переменках я брал в руки баян и наигрывал свои «Амурские волны», «Ямщик не гони лошадей». Публика, конечно, не сильна была в математике, но в основном состояла из музыкально одарённых подростков. Которые на эту самую музыку, едва её где-нибудь заслышав, слетались, как пчёлки на мёд. И вот я сидел где-нибудь в центре внимания, а народ меня слушал.

От конкурса им. Чайковского меня отделяли каких-то несколько пустяковых лет.

И вот в это самое благодатное время, когда я был на пике своей музыкальной карьеры (я тогда, правда, не знал, что

это уже был пик), мне сказали, что со мной хочет поговорить один заведующий клубом. Его звали Владимир Генрихович Шенк, а его сельский клуб находился в двадцати верстах от Актюбинска.

Шенку нужен был художественный руководитель. Он пришёл к нам в культпросвет, навёл справки и решил, что – вот оно, его художественно-музыкальное счастье – Саша Дунаенко! Мне этот завклуб так объяснил ситуацию: на баяне он может и сам играть. Но – злые языки на него капают, что за своё умение он, пользуясь служебным положением, начисляет себе лишнюю заработную плату. А советский народ приучили в таких случаях не дремать. И Шенк – от греха подальше – решил пригласить в штат отдельного баяниста. Тем более, что на носу был районный смотр самодеятельности, где нужно было не просто выглядеть на уровне, но и получить первое место.

Мне ужасно польстило, что слава о моём мастерстве уже покатилась по Актюбинской области. Ломаться я не стал. Тем более что за мою работу Шенк пообещал ещё и какие-то сумасшедшие деньги.

Смотр я провалил.

Нет, сыграл я там неплохо. И обработки аккомпанемента хору и солистам приятно ложились на слух. Но...

Вот на небесах – оно расписано, кому лётчиком быть, ко-

му врачом, кому – музыкантом. Я пошёл в музыканты, потому что в молодости перед нами открыты все дороги, все пути. И мы не только можем пойти, куда угодно, мы, куда угодно, и идём.

Я тогда не знал, что, для того, чтобы стать музыкантом, нужно не только любить музыку, не только иметь замечательный слух. Музыкантом нужно родиться. А, если ты родился парфюмером, то, как ты не загоняй себя в гаммы и арпеджио, как ни мучай часами пикирования на скрипке, натиранием мозолей на гитарах и балалайках – ничего из этого не выйдет! Бросай фортепиано, иди и – нюхай!..

И вот для того, чтобы мы выбирали в жизни правильную дорогу, для этого время от времени жизнь устраивает нам экзамены, смотрит художественной самодеятельности. Щёлкает по носу, по голове. Если не помогает – жёстко даёт под зад пинка.

Ну, представьте себе: выставили на сцене хор. Там человек сорок – уже и не помню, но – полная сцена. После первого ряда – на лавочки поставили, чтобы было видно каждого солиста, дальше – на столы. Все нарядные такие, торжественные. Первая песня, про то, как Ленин побывал в каждом из нас: «Ленин в тебе и во мне!».

Я – сбоку, на табуреточке. Тоже нарядный, при галстукке. Объявили номер. Замер зал в предвкушении партийного удовольствия. Вдохнул и напрягся хор.

А я... А я – забыл с какой клавиши начинать. Что-то заду-

мался. Может, о той же Партии что-то думал. Может – о Ленине. Может – о хоре – как он стоит красиво и торжественно.

Ну, в общем – хор вдохнул, красиво стоит, а я в полном смятении вспоминаю, с какой же клавиши начинать мне свой профессиональный аккомпанемент. А, чем больше думаешь, волнуешься, тем всё безнадежнее...

Получилось, что выдержал паузу, как лучший артист Московского театра. И уже в момент, когда всем казалось, что всё рухнет, что всё накроется к чертям собачьим, в самое последнее мгновение я нашёл клавишу. Хор выдохнул...

Ну, место на смотре нам дали. И не самое последнее.

А с Шенком у меня состоялся потом серьёзный разговор.

Я, как обычно, приехал к нему в клуб, чтобы проводить репетиции, но моих артистов не было. Вместо них за обшарпанным столиком сидел Шенк с бутылкой портвейна. Пригласил к столу меня. Я тогда спиртного не употреблял совсем, поэтому просто присел рядом на табуретку.

Завклубом в гранёный стакан налил вина. Держал его короткими, толстыми, в густых рыжих волосинках, пальцами. И был он седой, лысый и старый.

Шенк в двух словах объяснил мне, что у него, хоть слуха и нет, но он никогда не сбивается, если играет на свадьбах, или кому аккомпанирует. И эту его способность в посёлке сейчас по достоинству оценили, и даже плюнули на то, что

деньги за художественное руководство он будет начислять себе. Не мне, то есть, как уже было установлено, а, как раньше, себе.

Всё познаётся в сравнении. В данном случае сравнение оказалось не в мою пользу.

А ко мне у Шенка очень хорошее отношение. Он меня уважает. Ему со мной интересно и поговорить. И послушать мою игру.

И тут он разговорился.

Стал вспоминать молодость. Про то, как, вместе с родителями помыкался по ссылкам. Как им регулярно нужно было отмечаться в комендатуре, потому что немцы, потому что ссыльные. Как их там по чуть-чуть унижали: «Руки как держишь?!.. В глаза смотри, в глаза!..». Потому что, исходя из национальности, были они враги Родины. Вот он, Володя Шенк, в ссылке родился и уже сразу – враг.

Семья врагов Родины жила в посёлке Богословка. Жила тихо, смирно, не высовываясь. По вечерам Володька Шенк, как и другие подростки, ходил в сельский клуб, на танцы. Из дома приносили пластинки, крутили их на простеньком проигрывателе. Танцы, да ещё под музыку! Объяснять ли, какой получался праздник, когда тебе ещё вдобавок столько лет, что ещё ни разу не целовался, до девушки не дотрагивался, и каждый вечер хотелось жениться. И музыка была невыносимо заводной, и свет слабой электрической лампочки казался блеском роскошной хрустальной люстры.

Конечно, Шенк всё это излагал проще, усиливая периоды речи сочными матерными вставками, но общая картина была именно такой.

– И вот – рассказывает Шенк, – пришёл он, как обычно, на танцы в субботу вечером со своим другом, Никитой Кучугурой. Топтались под музыку, тесно прижавшись к девчонкам, выходили на улицу покурить. И всё время у Шенка перед глазами вертелась дочка начальника местного военного гарнизона, Элечка Стексова. Юбочка коротенькая-коротенькая, взлетает при каждом движении. Кофточка полупрозрачная на чёрном лифчике. И всё время перед Володькой туда-сюда. Ещё так – обернётся, взглянет через плечо, усмехнётся!.. Волосы длинные, светлые...

Красивая, зараза, но Шенк в её сторону старался и не смотреть. Дочка начальника гарнизона!.. Дотронешься – и ты уже не жилец. Родители враги Родины, сам Володька из этого же змеиного гнезда. Тут достаточно даже неосторожно посмотреть.

А как тут не смотреть?.. Вот, подошла Элечка, прямо перед Володькой встала спиной, пластинку на проигрывателе поменять. Приподнялась на цыпочки, нагнулась, чтобы иголку поставить... Юбочка короткая... Как будто специально...

И, в какой-то момент, скрипнул Володька зубами и прошептал, глядя на смеющуюся Элечку: – Ну, я тебя сегодня выебу!..

И вот это уже прочно, решительно засело у него в голове. И никакие инстинкты самосохранения уже в нём не работали. Чья дочь, что с ним может быть потом – ни о чём уже Володька не думал.

Вышли покурить с Никитой Кучугурой, Володька ему так и сказал: – Помоги, дружбан, эту заразу...

А Никита, что? Надо, значит, надо.

После танцев шутили возле Элечки, с ней разговаривали. Потом взялись её до дома проводить. Потому что темно уже и одной идти страшно. А у Никиты с собой китайский фонарик был.

По дороге девчонку схватили с двух сторон, затащили в кусты. Элечка не кричала, только сильно отбивалась и всё старалась укусить. Но Никита держал крепко. Даже посветил Володьке фонариком, когда тот что-то завозился.

– А пиздёнок у ней ещё совсем лысый был, – рассказывал Шенк, кротно улыбаясь юношеским своим воспоминаниям... – Дёргалась она, вертелась... Узко у ней там было... А я – молодой! Я бы тогда и через трусы ей всё пробил...

Потом девчонка вырываться перестала. Никита ушёл. Другу помог – чего тут рядом стоять? Шенк завершил своё мстительное дело. Эля всхлипывала, лежала, не двигаясь.

Володька сидел рядом, пока она не зашевелилась, потом сделала попытку встать. Володька ей помог, хотя Эля пыталась от него отстраниться.

Потом проводил её домой. Не рядом, а так – поодаль...

Шенк и Кучугура неделю прятались по сараям. Боялись, что Эля расскажет всё родителям и тогда обоим конец. Шенка бы, с учётом его происхождения, Элин папа смешал бы с землёй. А сверху бы танком прикатал Кучугуру.

Но всё обошлось. Начальник гарнизона Стексов получил новое назначение и вскоре вся семья из Богословки уехала. Ничего никому Элечка не рассказала...

Шенк вылил в гранёный стакан остатки портвейна. В мужских компаниях это означает конец разговора.

Мы расстались друзьями.

Я продолжал учиться в культпросвете ещё два года.

Хотя уже точно знал, что ни заведующего клубом, ни музыканта из меня не получится никогда.

Партизанские были

В последний год учёбы в культпросветучилище нам, будущим выпускникам, полагалось какой-то срок отработать практику в одном из клубов области. Потому что мы все, учащиеся Актюбинского Республиканского культпросветучилища, независимо от специализации, готовились быть, в первую очередь, клубными работниками. То есть, как предсказывал нам наше будущее преподаватель всех точных наук Карл Каламанович Зайнуллин – в любое время года открывать и закрывать замок на здании сельского клуба.

Руководство училища к практике своих воспитанников относилось дифференцированно. Например, наше отделение русских народных инструментов направили с концертами по области. И практика – мы могли своими глазами увидеть десяток-другой клубов и домов культуры, и – удовлетворение некоторых материальных интересов: на концерты продавались билеты.

Концертная программа состояла из нескольких компонентов: выступление оркестра, выступление домбриста-виртуоза Момына Байганина, песни русских и казахских композиторов в сопровождении оркестра. И ещё, конечно, с нами ездил конферансье – щеголеватый, подтянутый мужчина, который на сцене, в промежутках между номерами, профессионально шутил. Имени его я сейчас уже не помню, да оно

и не имеет никакого значения, потому что, когда перед концертом в посёлке Бугетсай, вдруг выяснилось, что у нашего конференсье вдруг схватило горло – то заменять его выставили меня. А чего запоминать имя человека, который уже потом никогда в жизни не встречался. Вот мне сегодня Абдулов приснился. Лицо в гриме – он какого-то Пьеро играл, приехал на гастроли в Актюбинск. Ну, мы с ним ещё поговорили. Оказывается, когда-то мы с ним даже сфотографировались на фоне овощного прилавка. Я в тулупе и с бородой, а Абдулов – рядом стоял и чему-то радовался. Ну, так вот – Абдулова я почему-то запомнил, хоть и побыл с ним во сне всего минуту, а того конференсье – нет.

Несмотря на то, что мне пришлось его замещать.

Я так думаю, что на нашего руководителя оркестра, Сергея Георгиевича Цхе, я производил впечатление парнишки башковитого, хотя, как музыканта, возможно, и бездарного. Ну и, когда с конференсье случилась такая непредвиденная беда, меня уполномочили объявлять номера. Дикция у меня чёткая, лицо интеллигентное. А я и не стал сопротивляться. Во мне всегда сидела авантюрная жилка, которая заставляла ввязываться, порой, в весьма сомнительные предприятия. Ну, там – художественным руководителем, не имея ни одного часа опыта работы с коллективом, либо – Дедом Морозом на детские утренники. Я думал, что мне дадут Снегурочку и чуть не согласился. А, когда мне сказали, что Снегурочки не будет, что я должен делать ВСЁ САМ (?) и мне дадут

за это три рубля (купишь водки бутылку, за два пятьдесят две, конфет!...) – я отказался категорически. Ещё вдобавок – приходиться со своим костюмом Деда Мороза!

Нет.

Я отказался.

А сегодня – конференсье? Почему бы и нет?..

Ну и немного о погоде. На улице и в Доме культуры посёлка Бугетсай стоял декабрь. Мороз – если снять с руки варежку и оставить в воздухе, то она зависала. Причём, без разницы – тестируете вы погоду снаружи Дома культуры, или внутри.

А выступать нам надлежало в белых рубашечках, с бабочками. Рубашечки были модными, нейлоновыми, так что заметно не согревали. На Сергее Георгиевиче ещё был фрак – ему было теплее. Народ в зале собрался одетым по сезону: фуфайки, тулупы. Начальство в коротеньких дублёнках и унтах. От дыхания в помещении собирался пар. Но особо зал к началу концерта не прогрелся.

Теплее стало, когда заиграла музыка. «Кармен» Бизе, «Травиата» Верди, Чайковский, сцена из балета «Лебединое озеро». Потом вышла Александра Палий, и стало ещё теплее. У Александры был мощный голос, который вполне соперничал с полнозвучным сопровождением оркестра. Она пробовала раньше, как все, выступать с микрофоном, но у каждого, чуть ли не сразу, лопались перепонки. Александра спела «Заздравную» Дунаевского, и в зале наступило

лето. Лиза Касьяненко пела тихо. Ей без микрофона никак. Но очень проникновенно она исполняла «До чего же он горек, сок рябины зимой!...». Суровый Сергей Георгиевич всегда в этом месте смахивал дирижёрской палочкой, случайно набежавшую, скупую мужскую слезу.

Я объявлял.

Всё шло, как по маслу.

И тут случилась заминка. Обычно всякие паузы в концерте у нас заполнял наш ковёрный конферансье. Но его не было. Вместо него был я, но заполнять паузы между номерами меня никто не учил. – Кто, если не я? – подумал я. И пошёл к микрофону.

А в детстве я очень любил читать книжки про войну. И мне запомнился эпизод из жизни и работы советских партизан. Наши партизаны были не только смелыми, но и хитрыми. Для того, чтобы свободно передвигаться по тылам немцев, они сформировали агитбригаду. И разъезжали себе, распевая песни, по оккупированным русским сёлам, собирая попутно сведения о живой силе и технике в фашистских войсках. О концертах своих объявляли заранее. Для того, чтобы привлечь внимание, использовали в заголовках такую надпись: «Съедение живого человека». И зрителей никто не обманывал. На концерте, действительно, объявлялся этот номер – «Съедение живого человека». На сцену приглашался желающий быть съеденным. Обычно желающего не находилось, и концерт продолжался.

Но однажды желающий нашелся. Вернее, «желающая». На сцену вышла девушка в лёгком летнем платье и предложила себя для эксперимента. Но наш конференсье-партизан не растерялся. Он сказал девушке: – Раздевайся! – Потому что не хотел он её есть, вместе с туфлями, бельём и ситцевым платьем. А девушка тогда смутилась, покраснела и убежала со сцены.

И я, вооруженный на всякий случай, хитростями наших партизан, вышел к микрофону и объявил номер «Съедение живого человека». Всё шло, как по писаному. Ну, прямо, совсем, как в той книжке, буква в букву. Как только я объявил свой смертельный номер и по рядам прошёл, прокатился первый смешок, откуда-то из середины зала поднялся молодой парнишка и стал протискиваться к сцене. – Ну, блин, – подумал я, а на публику стал кричать, как я рад, что нашёлся такой смелый человек, что, наконец, можно будет перекусить кем-нибудь свеженьким, а то всё консервы, да консервы...

А паренёк-то и вот он уже, на сцене. И уже стоит напротив меня, ждёт аттракциона. Глаза голубые, ватник, ботинки. Да, именно ботинки, не валенки, не сапоги. Это я сильно запомнил. Потому что, когда я сказал парнишке, что ему нужно раздеться, что одетым я его есть не буду, он стал раздеваться. Фуфайку стал снимать, стягивать свитер. Я взялся ему помогать: привстал на колено, начал ботинки расшнуровывать. Трудно было, шнурки заledenели. Попутно думал, что бесконечно это всё продолжаться не может. Всякой сказке

приходит конец. Сколько верёвочке не вейся, а одежда скоро кончится.

И, правда. Одежда кончилась.

На парнишке остались только длинные семейные трусы, которые сейчас опять стали входить в моду.

Он стоял и смотрел на меня своими чистыми голубыми глазами. Я отпустил ботинок, который держал в руке – и ботинок остался висеть в воздухе. Пой не пой, а зимы всё-таки ещё никто не отменял. Мороз крепчал. На мне была нейлоновая рубашка с бабочкой и брюки. А на мальчишке – только трусы.

Я жёстко скомандовал: – Снимай трусы!

Можно догадаться, что всё это время публика к происходящему на сцене не оставалась безучастной. Хохот, одобрительные крики. В общем, пауза заполнялась нормально.

Мальчишка взялся руками за то место на трусах, где была резинка, и сказал нерешительно: – Нет... Нельзя...

Я так думаю, он за резинку держался на всякий случай. По-моему, у него были подозрения, что я с него могу снять эту последнюю тёплую одежду. И, если я думал, что у мальчишки, возможно, не все дома, то не исключено, что и обо мне он был похожего мнения. У меня в запасе была ещё пара попыток заставить этого представителя мирного населения сбежать со сцены. И я крикнул ещё два раза: – Снимай трусы, не могу я тебя одетого кушать!..

А потом – я понимал, что проиграл, что это мой позор, –

потом я сгрёб в охапку всю его одежду – штаны, фуфайку, свитер – всё, что зима заставляет человека надевать на себя, и насильно вытолкал со сцены. Под хохот публики и аплодисменты, которые были, неизвестно кому, а, скорее, известно – не мне, это точно.

После этого я уже не заполнял пауз между номерами наших дальнейших выступлений, какими бы длинными они ни случались. И даже не объявлял эти номера.

После концерта Сергей Георгиевич смотрел на меня волком, хотя ничего не сказал.

Чувствую, что я заставил его сильно засомневаться в моей башковитости.

После сдачи государственных экзаменов я окончательно забросил свою артистическую карьеру.

Стал руководителем фото-кинокружков на областной станции юных техников.

Презервативы СССР

По улице посёлка нашего Растсовхоз шёл пятнадцатилетний Антон Фишер и пел. Он всегда пел. А мне было лет восемь.

Из коридора мы с дядей Витей Будницким выглядывали на улицу и увидели и услышали Антона.

«Антон Фишер опять поёт» – сказал дядя Витя. «Гандон, да?» – я ляпнул слово, которое подобрал где-то на улице и посчитал, что оно подойдёт сюда очень кстати.

«Не надо так говорить» – сказал дядя Витя. Он, к тому же, был ещё и мужем моей учительницы, Алевтины Николаевны.

Я спросил: «Почему?». Я, правда, не знал. – «Это плохое слово», – коротко объяснил мне дядя Витя.

Секса в СССР не было. Но презервативы выпускать приходилось. И не столько потому, что было, на что надевать, а, всё-таки, наверное, чтобы меньше было аборт.

Советские презервативы выпускались сухими, густо пересыпанными тальком. Чтобы резина не склеивалась и в решительный момент граждан самой свободной страны психологически не травмировала.

Выпускали их сухими безо всякого злого умысла. Никто не хотел специально досадить женщине, которая просто так, из предполагаемого удовольствия, а не для дето-

рождения, решила отдаться мужчине. При Советской власти между мужчиной и женщиной, на момент их интимного сближения, возникала такая любовь, что омрачить её было невозможно ни тальком, ни каким другим, даже весьма крупнозернистым, абразивом. Деньги тогда особого значения не имели, поэтому отношения носили чистый, бескорыстный характер. Никаких тебе олигархов, никаких чиновников с окладами олигархов.

Так что на тальк и сухую резину никто тогда внимания не обращал.

Единственное, что могло создать в обществе социальную напряжённость, так это перебои в снабжении граждан великой страны «Изделием №2».

В 70-е в Актюбинске возникла именно такая ситуация.

Презервативы – это, конечно, не колбаса. Такой продукт, что о нём не поговоришь в очереди с единомышленниками. Не выйдешь с плакатом на улицу: «Даёшь, мол, презервативы!». Тут не только власти – даже друзья, товарищи по работе посмотрят на тебя, как на сумасшедшего.

Поэтому актюбинский народ молча терпел.

Ну, я тоже – как все. Но потом подумал: не на всю же нашу страну напал этот презервативный кризис? Может, есть где такие оазисы, где заветных этих резиновых колечек полным – полно?

Ну, и – решил разослать во все концы необъятной державы письма с просьбой помочь молодой семье дефицитным противозачаточным средством. Я знал, что в каждой области есть своё ОблАПУ – областное аптекоуправление. И там сосредоточено всё, что нужно для здоровья человека. В том числе, – как я подумал – и презервативы.

Послал – как вроде в шутку. Подумаешь – конверт пять копеек – и в любой уголок Союза. На ответы даже не рассчитывал.

К удивлению, многие откликнулись. Со всей серьёзностью из ряда крупных городов ко мне пришли официальные бумаги, в которых за печатью и подписью, с исходящим номером сообщалось, что помочь мне не могут ничем и советовали обратиться в свое родное, Актюбинское ОблАПУ.

А вскоре пришло письмо и из самого ОблАПУ Актюбинска. Кажется, из Саратова им переслали моё послание, и наши провизоры оперативно отреагировали. В письме сообщалось, что, мол, дорогой Вы наш потерпевший, да как же это такое могло случиться, да презервативов этих у нас – хоть завались! И посоветовали заглянуть в ближайшую от моего дома аптеку, где меня уже ждут и готовы помочь справиться с замучившей меня проблемой.

Я не стал откладывать. Взял хозяйственную сумку и бегом отправился за покупками.

В аптеке протянул письмо первому попавшемуся про-

давцу. Девушка знакомилась с документом и, по мере прочтения, менялась в лице. Потом, что называется, прыснула со смеху, и побежала в подсобку. Оттуда минут через пять вышла, по всей видимости, заведующая, тоже в лице, состоявшем сплошь из улыбки, которая то и дело рассыпалась в «хи-хи». Покрасневшая аптекарша (и аптекари тоже краснеют) сказала, что, конечно, я могу получить то, о чём написано в письме, нужно только заплатить в кассу.

Товар отпускала заведующая лично. Когда я протянул чек, она задержала его в руке на секунду: «Что, на все?..». Я молча поставил на прилавок свою сумку. Её, так же молча, забрали, унесли в подсобку.

Слышал, как там долго чем-то шуршали, сопровождалось всё это «хи-хи», «ха-ха». Потом две молоденькие аптекарши весёлые и покрасневшие вынесли мне сумку, набитую, почти доверху, драгоценным изделием.

Я шёл по Октябрьскому бульвару. Летний солнечный день. Мне на голову свалилось такое счастье! Теперь я МОГУ ВЫКИДЫВАТЬ ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ПРЕЗЕРВАТИВЫ!

И представлял уже, как прихожу в гости к друзьям и делаю им всем неожиданный подарок...

* * *

Вспомнил упаковку с презервативами, где было указано,

что изделия там №1. Наткнулся я на них, когда ездил в командировку в г. Хром-Тау, где жили шахтёры, и снабжение у них было особое. Поскольку никакого порядка в обеспечении презервативами нашего областного центра так и не наступило, я проявил к ним определённый интерес.

Ну, в общем, накопил я презервативов №1 полсумки. Боялся ещё – думал – как в Москве – закричит кто-нибудь в истерике: в одни руки только по три штуки!

Отоварили без ограничений.

Конечно, дома примерил – жмут, особенно у основания, да, что поделаешь!

Но зато узнал я после этого, что промышленность у нас о всяких людях думает, не всё клепают на одну колодку. Колодки, как минимум, две. Есть, так сказать, дифференцированный подход к нуждам населения.

И вот собрался я опять куда-то в командировку. Хожу по аэропорту, время коротаю. Подошёл к аптечному киоску, а там, на витрине, в уголочке, стыдливо прижались «Изделия №2». Ну, я и спрашиваю аптекаршу: – А бывают ли у вас «Изделия №3»? (Знаю уже, что «№1» бывают, «№2» – на витрине, а что по поводу удовлетворения потребностей граждан ещё одной категории скажет мне специалист?)

Ах! Как на меня та аптекарша посмотрела! С какой уважительностью, с каким... восхищением! – Нет... – с искренним сожалением и гостеприимно улыбаясь – сказала поленькая женщина бальзаковских лет. И с сердцем добави-

ла: – Вот сколько я работаю! – НИ РАЗУ!!!

Я понял, что тут мне надо бы изобразить горькое сожаление, почти муку.

Пара пустяков.

Сказал: – Заверните два.

Я спиной чувствовал, что женщина-аптекарь ещё долго провожала меня взглядом...

* * *

Аллочка Воробышева, четвёртая гражданская жена собора «Правды» Голицына, слетала на выходные в Москву. Поделилась у нас в отделе впечатлениями. Я написал стишок:

Москва! Москва! Живот в восторге!

Продукт редчайший ест и пьёт.

Красивых тут без денег кормят,

И в мини ходит весь народ.

Захотелось в Москву. Не столько поесть – я тогда молодой был – сколько посмотреть на народ, который там ходит в мини-юбках.

Судьба мне улыбнулась. Выпал счастливый билет учиться

в Москве целых пять лет. Нет, не все там ходили в мини-юбках. И даже – не через одного, (одну). Но с продуктами, действительно, было что-то фантастическое. Чай №36 у нас изпод прилавка, а в Москве – на каждом углу. Мясо на выбор – москвичи, скривившись, вилкой куски перебирают. А у нас долго в обкоме решался вопрос – можно ли, хоть на одном магазине в городе, написать «Мясо»?

Потом что-то у них щёлкнуло и-таки, разрешение дали. И появился на улице Скулкина в городе Актюбинске маленький магазинчик, на котором, как на рейхстаге, водрузили большую вывеску с надписью «МЯСО». Да, именно так, большими жирными буквами. Проследить и доказать какую-то связь между решением обкома дозволить существование магазина «МЯСО» и тем, что весь штат, а также руководство малого советского предприятия составили выходцы из Кавказа, было, конечно, невозможно. Даже намёк на это выглядел оскорбительным. Просто – решила партия сделать своему народу жизнь ещё краше, и открыла ещё один продуктовый магазин. А то, что на тот момент, совершенно случайно, попалась инициативная группа кавказцев – так на то он и случай.

Дальнейшая жизнь новой торговой точки показала, что лучше было бы её назвать «КОСТИ»...

Ну, чего это я отвлёкся... В общем – я в Москве. Сессию

сдал без «хвостов». День отъезда. Время рассчитано по минутам. Где-то меня уже ждёт самолёт. В комнате общежития у меня по всем тумбочкам разложены драгоценные московские продукты. Всё нужно распределить на две руки. В одну – ручную кладь – её не взвешивают, подразумевается, что в сумочке пять килограммов, и её можно пронести в самолёт. И – чемодан. В сумочку, (скорее, портфельчик) насколько влезет, я накладываю сгущёнку, тушёнку. Чемодан в основном забиваю замороженным, из холодильника, мясом.

Ну, всё. К полёту готов. Ткнул дверцу ещё одной тумбочки, а там!.. Мама моя родная! Там ещё целая гора чая №36!.. Как же я про него забыл!.. Куда его?.. А время – по минутам. Самолёт ждёт, но ждать он не будет.

Я хватаю трико, то, что с ногами, и забиваю его полностью. Перекидываю через плечо, как шинель-скатку, хватаю в руки портфель и чемодан и к выходу. Сделав несколько шагов от общежития, почувствовал, что идти не могу. Под тяжестью груза подгибаются колени. К трамваю не дойду. Пришлось ловить такси...

В аэропорту багаж нужно запаковать. Я бросил на ленту транспортёра набитое чаем трико. Когда оно подъехало к упаковщику, тот на момент замер.

Поднял руки с куском плотной бумаги, а опустить не может.

На ленте лежит полчеловека. Нижняя половина.

Потом паренёк сориентировался, быстро обернул бумагой странноватый груз, перетянул бечёвкой и отшвырнул дальше на ленту.

Кажется, всё. В руке у меня осталась «ручная кладь». Иду на контроль через металлоискатель. Вы не пробовали, держа в руках гирю, пройти с ней непринуждённо, будто у вас в руках борсетка? Странноватая, я вам скажу, получается походка. Но я старался. У меня сверхзадача: я – кормилец семьи.

Сумка благополучно проехала через телевизор, я пошёл проверяться на наличие оружия.

И тут... Зазвенел звонок! Что-то у меня металлическое обнаружилось. Может, ключи? Я полез в карман, выложил на столик ключи. Пошёл проверяться – опять звонок. Раз пять проходил, все карманы вывернул на столик для досмотра, а он всё звякает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.